

ВЕЛИКАЯ АРТИСТКА КАЗАХСКОГО НАРОДА

*Журчала мелодия радостных дней,
Куляш, черноглазая дочь степей,
Пела, как соловей.
Джамбул*

*К. Байсеитова - Ажар
(А. Жубанов, Л. Хамиди «Абай»)*

...Ее глаза всегда внутренним светом светились. И вся она, жизнедеятельная и творчески увлеченная своим искусством и большими делами родной республики, была как бы в вечном движении, мысленно устремленная к новым свершениям.

Влечение к театру было одним из прирожденных чувств Куляш. Здесь вся ее жизнь, сокровенные помыслы и лучшие надежды. Сюда она ходила радостная и счастливая за новые светлые дни своего народа, за его восходящее искусство, расцветающее, как дивный плодоносящий сад.

Куляш Байсеитовой было всего 22 года, когда казахское правительство присвоило ей звание заслуженной артистки республики. Спустя два года, в 24-летнем возрасте, Куляш – народная артистка Советского Союза.

В блестящее созвездие замечательных людей нашего искусства – Константин Сергеевич Станиславский, Владимир Иванович Немирович-Данченко, Антонина Васильевна Нежданова, Василий Иванович Качалов, Иван Михайлович Москвин и других крупнейших мастеров советского театра, впервые удостоенных самого почетного для артиста звания, – вошло имя выдающейся казахской актрисы и певицы Куляш Байсеитовой.

Она была самой молодой из всех деятелей искусства, отмеченных этим высоким званием.

Куляш была музыкальна в самом глубоком значении этого слова. Она не только превосходно слышала музыку, но и видела музыкальные образы, чувствовала и чутко передавала их. Голос Куляш, ее манера пения глубоко индивидуальны. Среди сотен и тысяч певцов можно было безошибочно определить голос Куляш.

В летопись казахской оперной культуры вошла галерея разнохарактерных музыкально-сценических образов, созданных Куляш Байсеитовой. Трогательная Кыз-Жибек в опере того же названия, коварная Акжунус в «Ер-Таргыне», благородная Хадиша в «Жалбыре», героическая Сайра в «Гвардия, алга!», обаятельная Айман в «Айман-Шолпан», боевая Зере в «Бекете», поэтическая Маро в грузинской опере «Даиси», лирическая Нергиз в азербайджанской опере «Нергиз», романтическая Ажар в «Абае», вдохновенная Сара в опере «Биржан и Сара», трагическая Чио-Чио-сан в опере Джакомо Пуччини, мечтательная и гордая Татьяна в опере «Евгений Онегин» Пётр Ильич Чайковский – все эти сценические образы полны большой яркости и силы.

Можно было бы с полным основанием предположить, что создательницей этой многокрасочной палитры художественных образов пройден большой путь широкого образования в музыкальных и театральных университетах, что за ее плечами могучая культура большого оперного искусства.

Между тем Куляш в первые годы своей артистической деятельности ни разу даже не видела оперной сцены. Каким же богатым внутренним миром, каким тончайшим чувством интуиции надо было обладать, чтобы в полной мере понять всю гамму образов и переживаний, найти в себе отзывчивые струны, чутко откликающиеся на каждое движение драматургически и музыкально найденных образов, вжиться и уйти в их поэтическую сферу, повести за собой с гипнотической силой театрального воздействия тех, кто длинными рядами расположился по ту сторону рампы, в затемненных просторах зала!

Детство Куляш... Оно виднеется в тумане ушедших дней. Далеко безрадостное детство... Вон там, у пустыря, маленький домик – землянка, в котором родилась Куляш. Это было в старом азиатском городе Верный.

В крохотной комнате ютилась вся семья. Поздней ночью в углу едва мерцал свет керосиновой лампы. Изможденная, бледная Зибажан, мать Куляш, порою целую ночь напролет работала, согнувшись над деревянным корытом.

Вечером со скудным заработком, понуриив голову, возвращался Джасын Беисов, глава семьи. Он был совсем бедным человеком. Далеко на окраине города затерялась его покосившаяся жалкая хибарка. Здесь «сапожная мастерская» Джасына. Он сидит за низким столиком, тихо напевая заунывную песню.

И песня повествует о вечных снегах Тянь-Шаня, о ковыльных степях и о гордом беркуте, о далекой сказочной стране счастья – Жер-Уюк...

Внимает этой прекрасной песне Куляш. И чудится ей, что она уже не дочь сапожника Джасына, а прекрасная Кыз-Жибек, одетая в шелк и парчу... Но вот окончена песня. И снова вокруг убогие стены, нужда...

Но вот пронеслись боевые кони по казахским степям и аулам. На весь Казахстан прогремели трубы сарбазов Амангельды. Зарделась заря... То был 1920-й год.

Вскоре девочку определили в Алма-Атинскую опытно-показательную школу. Сюда однажды пришли люди из Кызыл-Ординского казахского

драматического театра, гастролировавшего в городе. Их интересовали музыкально одаренные дети, которые могли бы участвовать в спектакле.

Куляш терпеливо ждала своей очереди. Она перебирала в памяти все лучшие песни, которые слышала от отца. Она волновалась. Когда ее вызвали и перед немногими слушателями зазвучал ее красивый звонкий голос, в комнате стало как-то особенно тихо. Да, она будет петь в спектакле – это было ясно из исполнения еще не оконченной песни.

Еще большую творческую активность проявляет Куляш в педагогическом институте, куда она поступила с намерением стать народной учительницей. Но бедственное положение семьи заставило вскоре Куляш вернуться домой.

Начались будни трудовой жизни. Забота о семье. И все же Куляш тянуло к искусству с большей, чем раньше, силой. Встреча с кызылординскими артистами, среди которых были Курманбек Жандарбеков, Серке Кожамкулов, Калибек Куанышпаев, оставила неизгладимое впечатление. Каждую свободную минуту Куляш отдает драматическому кружку в клубе. В кружке ей доверяют ответственные роли.

И в 1929 году Куляш переступает порог театра. Она в гуще новой работы. Но творческий успех надо еще завоевать. Сначала ей не дают ролей. Куляш только статистка. Куляш жадно впитывает в себя новые знания, она не упускает ни одного случая, чтобы поучиться у старших, более опытных товарищей, она много читает, дома повторяет роли, усвоенные на репетициях других актеров.

Куляш учится, работает, растет. И пока все это не заметно для театра... Но вот внезапная болезнь одной из актрис ставит под угрозу намеченный к постановке спектакль. Куляш давно приготовила роль. Она заменит товарища.

...Это был первый большой успех Куляш. Она приобрела сценическое имя, о ней заговорил зритель. Путевка в искусство получена...

Куляш становится первоклассной драматической актрисой. Но в этом ли ее настоящее призвание? Ее влечет к пению, к новым берегам музыкального театра.

И когда в 1933 году во вновь организованной музыкальной студии театра готовится к постановке «Айман-Шолпан» и не оказывается хорошего исполнителя для роли Айман, Куляш с охотой принимает приглашение попробовать свои силы в этой роли. Так появляется первый яркий музыкально-сценический образ в первой постановке казахского театра музыкальной драмы.

Куляш – первая большая актриса казахского народа. Ее искусство было подлинно национальным. Но вместе с тем оно лишено рамок национальной ограниченности. Как искусство полноценное и реалистическое, оно наделено высшими чертами интернациональной художественной культуры.

Куляш Байсеитову справедливо называют гордостью, славой казахского искусства.

Ленинская смена. – 1958. – 12 декабря.